ДУХОВНЫЙ СТИХ, НАЙДЕННЫЙ У ИВАНА КРУПЕННИКОВА: К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ ХРИСТОВЩИНЫ

В XVIII столетии в России получили распространение так называемые «мистические»¹ секты, что заметно изменило религиозный ландшафт империи. На рубеж XIX–XX веков пришелся пик интереса к этим движениям со стороны социальных элит.² Одной из самых многочисленных и ранних была «христовщина», или секта «христоверов», сторонними наблюдателями часто именовавшихся «хлыстами» (этот термин утвердился в историографии и будет использоваться в статье как синонимичный понятиям «христоверы/христововеры», «христовы люди»).

Христовщина появилась в конце XVII — начале XVIII века. В ее основе лежит идея о том, что при исполнении особых ритуалов на человека может нисходить Святой Дух. Инвариант этих ритуалов может быть описан следующим образом: собравшиеся садились по лавкам, пели духовные стихи, затем часть из них вставала и вертелась. Богослужебные собрания хлыстов в следственных делах именовались «сборищами», в академической литературе их обычно называют радениями. После них иногда происходила общая трапеза, на которой пили квас и ели хлеб.

Культура христоверов XVIII века не раз была предметом историко-филологических исследований.³ Духовные стихи хлыстов публиковались еще в дореволюционное время — в частности, Т. С. Рождественским, М. И. Успенским⁴ и И. Г. Айвазовым.⁵ Благодаря последнему до нас дошли одни из самых ранних текстов, известные как сборник Василия Степанова⁶ (был изъят следственной комиссией в 1745 году у самого Степанова, который жил в селе Коломенском под Москвой; создан в 1720–

¹ Термин, введенный православными миссионерами второй половины XIX века и объединяющий секты (хлысты, скопцы), в которых экстатические практики и эсхатологические ожидания занимают более значимое место, чем книжная культура. «Мистическим» сектам противопоставляются «рационалистические» (духоборы, молокане, субботники), в которых отдавалось предпочтение «разумному» постижению божественных истин. См.: Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С. 9; Смелянская Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016. С. 259–280.

² Эткин Д. А. М. Хлыст. Секты. Литература. Революция. М., 2013. С. 8–166 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. XII).

³ См. недавние статьи и монографии: Clay J. E. 1) God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717 // Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1985. Vol. XXVI (I). P. 69–124; 2) Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850 // Poverty and Prosperity in the Middle Ages and Renaissance / Ed. by A. Scott, C. Kosso. Turnhout, 2012. P. 225–239 (Arizona Studies in the Middle Ages and the Renaissance); Панченко А. А. Христовщина и скопчество; Сергазина К. Т. «Хождение вокруг». Ритуальная практика первых общин христоверов. М., 2015; Берман А. Г. Секта хлыстов в России: ранняя история и религия. Чебоксары, 2020.

⁴ Рождественский Т. С., Успенский М. И. Песни русских сектантов-мистиков. СПб., 1912 (Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXV).

⁵ Айвазов И. Г. Материалы для исследования русских мистических сект. Пг., 1915. Вып. 1. Христовщина. Т. 1.

⁶ Панченко А. А. Христовщина и скопчество. С. 427–465.

1730-е годы⁷). В 2002 году А. А. Панченко предпринял републикацию сборника по печатному источнику, так как оригинальный текст песен был утерян.⁸

Помещенный ниже текст дополняет корпус духовных стихов христовщины первой половины XVIII века: он содержится в составе дела из того же фонда Московской канторы Синода, где хранился сборник Василия Степанова, и датируется 1748 годом.

Экстракты дел из Московской канторы Синода посылались в Санкт-Петербург, в Канцелярию Синода, где по ним выносились окончательные решения. Именно таким образом текст духовного стиха из дома Ивана Крупенникова попал в дело 1749 года, озаглавленное как «Экстракты произведенных в Следственной о раскольниках комиссии следствий о колодниках, обвиняемых в принадлежности к хлыстовщине или „квakerской ереси“, присланных Комиссией на рассмотрение и решение Святейшего Синода».⁹

Хотя интересующий нас текст был напечатан в составе «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода» (далее — ОДДС),¹⁰ ранее он не привлекал внимания исследователей. Редактор тома разбил текст на стихотворные строки и расставил в нем знаки препинания, хотя в деле 1749 года из фонда Канцелярии Синода, ставшем источником публикации,¹¹ как и в деле 1748 года из фонда Московской канторы Синода,¹² стих написан *in continuo*.

Версии стиха 1748 и 1749 года отличаются друг от друга: слово «государь» превращается в «сударь» в тексте 1749 года, «сохранит» сокращается до «хранит». Кроме того, в списке 1748 года есть строчка «...а кого я здесь браню, того дарам дарю...», которая отсутствует в варианте 1749 года и, соответственно, в публикации из ОДДС.

* * *

Песни из сборника Степанова Панченко делит на три группы.¹³ К первой группе относятся тексты, не связанные с какой-либо сектантской или старообрядческой традицией, а являющиеся переложениями хорошо известных духовных стихов (например, об Иосифе Прекрасном — «Кому повем печаль мою»). Вторую группу составляют произведения с эсхатологическим содержанием, при этом Панченко находит в них параллели со старообрядческими стихами XIX века. Третья группа — сочинения, которые исследователь связывает с «образами и мотивами религиозной космологии христовщины».¹⁴ Истоки стихов каждой выявленной группы лежат в области религиозного фольклора (это видно даже по представленной классификации). Публикуемый текст из дела купца Крупенникова свидетельствует о том, что круг источников хлыстовского фольклора необходимо расширить за счет любовных и исторических песен XVII–XVIII веков.

Ранняя история христовщины преимущественно исследуется на основе делопроизводительной документации судебно-следственных дел 1717, 1733–1739, 1745–1757 годов. Они велись разными духовными и светскими учреждениями, и их материалы оказались в ряде фондов: первой и второй следственных комиссий о хлыстах (РГАДА.

⁷ Там же. С. 274; Сергазина К. Т. «Хождение вокруг». С. 62–63.

⁸ Панченко А. А. Христовщина и скопчество. С. 274. В 2015 году К. Т. Сергазина вновь опубликовала сборник Степанова, на этот раз уже на основе публикации Панченко (Сергазина К. Т. «Хождение вокруг». С. 189–216).

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 30. Д. 18.

¹⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1913. Т. 29. Стб. 54–55; № 18/296.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 30. Д. 18. Л. 682 об. — 683.

¹² РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 8. 1748 год. Д. 150. Л. 14–14 об. Далее ссылки на это дело приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера листа. При цитировании материалов орфография источника сохранена, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Благодарю В. Е. Борисова за указание на этот источник.

¹³ Панченко А. А. Христовщина и скопчество. С. 274.

¹⁴ Там же. С. 275.

Ф. 301, 302), Канцелярии Синода (РГИА. Ф. 796), Московской конторы Синода (РГАДА. Ф. 1183). Именно в последнем содержится датированное 1748 годом «Дело о московском купце Иване Крупенникове и о сестре его и о дяди их Иване Никитине и работнике, состоящих в квакерской ереси» (л. 1–280), ранее не фигурировавшее в исследованиях о христовщине.

Купец Иван Крупенников был одним из лидеров московской общины хлыстов в 1730–1740-х годах и играл роль связующего звена между московскими и костромскими хлыстоверами. Так, он организовал проезд в Москву считавшейся «богородицей» Анны Степановой — внучки одного из лидеров ранней христовщины Данилы Филипповича. К. Т. Сергазина полагает, что, таким образом, Крупенников «мог быть одним из тех, благодаря кому почитание Данилы Филипповича распространилось в Москве».¹⁵

Крупенникову на момент допросов в ходе работы Второй следственной комиссии о хлыстах было за 50. Он родился около 1698 года в деревне Акулово, принадлежавшей Борисоглебскому Ростовскому монастырю. Его отец, крепостной Петр Никитин сын, рано умер, и восьмилетний Иван был привезен своим дядей из Ростовского уезда в Москву (л. 117), где работал у разных купцов, пока не открыл собственное дело примерно в 20 лет.

Учителями, повлиявшими на формирование взглядов Крупенникова, можно назвать упомянутых в деле Якова Козмина сына Масленникова и Ивана Федорова сына Сайки. Знакомство с ними было, по-видимому, случайным. С Яковом Масленниковым он познакомился благодаря тому, что оба торговали хлебом. С Иваном Сайкой его свела жизнь в одной избе (оба снимали в ней «углы» у некоей Федосьи Петровой), когда Ивану было около 17–18 лет.

Учение Масленникова и Сайки сводилось к следующему: хранить девство, «жить чистотою, послушанием, крепостию, смирением» (л. 118). Непонятно, учили ли они Крупенникова тому, как проводить радения, о которых подследственный рассказал следующее: «...в праздничные дни, в именины матери и сестры его Анны, по его, Крупенникова, позволению, чинены были собрания обоего пола людям, и собиралось на те собрания, кроме бывших в тех же собраниях матери и сестры его, например, человек по десяти, по двадцати, а иногда и по пяти, сколько когда собиралось...» (л. 118–118 об.). При этом оговаривается, что на эти встречи иногда приходили упомянутые Масленников и Сайка. Далее все садилось по лавкам, женщины на одну сторону, мужчины — на другую, и пели духовные стихи, а Крупенников начинал верчение: «А в то время он, Крупенников, взяв белое платенцо обеими руками за концы, тряся и вертелся кругом по сонцу, говоря такие речи: „Дорогой Батюшка родной, Данила Филиппович сын Божий, помилуй нас, Христос Воскресе“, а протчие люди говаривали: „Воистину воскресе“» (л. 119).

О самом Даниле Филипповиче Крупенников знал к моменту допроса «лет с тридцать» (л. 56), что по времени совпадает с его знакомством с Сайкой: «...слыхал тако был-де напред сего Данила Филиппович города Костромы крестьянин (а чей, не знает и ему не сказывали) и называли его тако ж, и какое у него, Крупенникова, чинимо было согласие и сборище, учителем и лет тому с сорок (как ему тогда сказывали) умре...» (л. 56).

В показаниях других людей, находившихся под следствием комиссии 1745–1757 годов, Крупенников фигурирует как один из лидеров московской общины хлыстов. Вероятно, это связано с особенностями судебного процесса, так как вопросы о знакомстве с ним задавались напрямую. Тем не менее, помимо устройства радений в собственном доме, он принимал участие в других хлыстовских собраниях (л. 159). Еще одна из характерных черт Крупенникова в контексте религиозной жизни — визионерство; известно как минимум одно его видение (л. 88).

¹⁵ Сергазина К. Т. Об Анне Степановой, крестьянке Костромской губернии, почитаемой за богородицу // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (3). С. 69. Здесь же см. известные подробности его биографии.

Будучи одним из организаторов хлыстовской религиозной жизни в Москве, Крупенников, тем не менее, получил относительно мягкое наказание по сравнению с другими лидерами: Синод позволил ему самому выбрать монастырь и жить там, а также предоставил возможность принять постриг.

В доме купца хранилась по крайней мере одна книга — святцы, в которых были найдены духовные стихи, написанные на столбце (л. 14–14 об.). Лидер хлыстов утверждал, что он не обучен грамоте, а про найденное письмо со стихами отдельно сказал, что «чьей рукою писано, и где оно хранилось и в какой силе сочинено, не знает, и он, Крупенников, того письма не видывал» (л. 15).

Хотя найденный текст отсутствует в сборнике Василия Степанова, в нем прослеживаются схожие мотивы. Как и другие хлыстовские стихи, он силлабический. Начинается со слов «Дай как по морю кораблик поплавлывает, а по кораблю гостиный сын погуливает...». А. Г. Берман считает, что под «гостиным сыном» в фольклоре хлыстов верований может подразумеваться Иисус Христос. Согласно ему, мотив Иисуса-купца имеет западное происхождение и отсылает к сочинениям Августина и Якова Ворагинского.¹⁶ На территорию России этот мотив мог проникнуть благодаря гравюрам.

Этот же образ в духовных стихах хлыстов может отсылать к одноименному образу в любовных песнях XVIII века, известных по песенным сборникам М. Д. Чулкова и Львова-Прача.¹⁷ И. Н. Розанов в своей статье анализирует 15 таких текстов, относя их к «фольклору верхнего слоя купечества».

В этих песнях «гостиный сын», согласно своему званию, занимается торговлей: либо стоит за прилавком, либо переправляет товар на корабле. Качества характера героя при этом прямо определяются сюжетом: в первом случае герой чаще всего предстает трусливым и скупым, во втором — «гостиный сын» оказывается удалым и щедрым. Описание его прогулки по кораблю, с точки зрения Розанова, подчеркивает независимость его положения.¹⁸ Как было сказано выше, с такого описания («гуляет по кораблю») начинается и анализируемый духовный стих.

Устойчивым мотивом именно любовных песен является желание «гостинного сына» одарить возлюбленную.¹⁹ В духовном стихе из дома Крупенникова герой рассматривает товары, которые везет на своем корабле: «...и он дорогие товары пересматривает...». Мотив одаривания товаром тоже присутствует в этом тексте: «Покупайте, мое други, дорогой мой товар, / Уш кому я продам, кому дарам отдам...». При этом одаривать «гостиный сын» намерен отнюдь не возлюбленную, но «верных друзей».

Сам образ возлюбленной, фигурировавший в светских песнях о «гостином сыне»,²⁰ исчезает, его место занимают «други», они же — «души». Любопытно, что слово «душа» в них тоже использовалось, но как эпитет по отношению к возлюбленной: «Гостиный сын по кораблику гуляет, / В звончаты свои гуслички играет / Он душу красну девицу забавляет...».²¹

Ряд образов в тексте связан с традиционной образностью хлыстовских сочинений. Например, мотив сбора «праведных» и «верных» на корабле: «Он и верных на кораблик к себе поманивает...»; «И вы, верные, мое избранные, мое души праведные, / Уш подите, мое други, ко мне все на корабль...». Панченко считает, что в фольклоре хлыстовщины «корабль» с праведными душами символизирует хлыстовскую общину.²²

Несколько раз в духовном стихе упоминается мотив «размахивания руками». В начале сам «гостиный сын» «своими белы ручками помахивает», затем, уже к концу стиха, в речи, обращенной к праведным, он призывает и других «махать руками»: «Уж станемте мы, други, руками разводить, / Дело божие находить. / И мы станемте, други, руками

¹⁶ Берман А. Г. Секта хлыстов в России. С. 188.

¹⁷ Розанов И. Н. Песни о гостинном сыне // XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. [Вып. 1]. С. 219–258.

¹⁸ Там же. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 224.

²⁰ Там же. С. 233.

²¹ Там же.

²² Панченко А. А. Хлыстовщина и скопчество. С. 284.

махать...». Вероятно, в данном случае подразумеваются те элементы радений, которые в делопроизводственных источниках обозначаются как «верчение» и «трясение».

К ритуалистике хлыстов отсылает и упоминание рубашек: «...И мы станемте, други, руками махать, а рубашек бы не марать. / Ужь станемтя мы, други, голоском мы завывахт, свои слезы проливать, *мы рубашечки замывать*...». По свидетельствам начала XIX века, для участия в радениях нужно было одеться в специальные обрядовые рубахи.²³

Таким образом, «гостинный сын», изображаемый в духовных стихах хлыстов, отличается от «гостиного сына» из купеческих песен: топика любовной лирики трансформируется — все действия персонажа, относящиеся к возлюбленной, теперь адресованы его идейным последователям. Такая адаптация прямо связана с принципами хлыстовской аскетике, запрещавшей секс и брак: например, того же Крупенникова Сайка и Масленников учили хранить девство, и на момент расследования Иван не был женат (а его сестра не была замужем).

После призыва «руками махать, а рубашек бы не марать» сюжет стиха меняется. Теперь главный герой именуется «батюшкой небесным, государем царем избранным, божьим сыном». Вероятно, одним из источников этой части текста и соответствующих образов хлыстовского фольклора в целом можно считать исторические песни XVI–XVIII веков о военных походах.²⁴ Негативные либо позитивные параллелизмы *трубного звука / золотой трубы* и речи / голоса военачальника или царя — значимый элемент соответствующей устной традиции: они встречаются в песнях о Ермаке, о первых Романовых, о Степане Разине, о Петре I.²⁵ Показательная аналогия — песня из сборника Чулкова «Ах, по морю, морю Синему...» («Петр I на корабле»), включающая одну из самых устойчивых форм этого параллелизма: «Что не золотая трубочка вострубила, / Да что взговорит наш батюшка православной Царь...». Далее царь обращается к матросам, прося их хорошо выполнять матросскую работу:

Ах! вы гой еси матросы люди легкие,
Вы мечитесь на мачты корабельные,
Вы смотрите во трубочки подзорные,
Что далеко ли до Стекольнова.²⁶

Этот отрывок напоминает следующая часть духовного стиха из дома Крупенникова, в которой тоже даются указания людям, управляющим кораблем: «Послужитя, мои други, поработайтя, / Выгребнем, мои други, на Тихой Дон, / Погребним, мои други, х круту берешку». В песнях хлыстов мотив *трубного звука / золотой трубы* переосмысливается и используется для изображения радения и пророчества.²⁷

Финальные строки («*Погребним, мои други, х круту берешку. / Ко мне от крою, вы, до краю, / До блаженного раю, / От конца, вы, до конца до небесного отца, / Я сам с вами погребу, / Я и сам вам помогу*»; курсив мой. — Е. М.) практически дословно повторяют строки песни № 16 из сборника Степанова:

Гребите вниз по батюшки по тихому по Дунаю
От краю, други, до краю, до небеснова до раю,
От конца, други, до конца, до Небеснова до Отца...²⁸

²³ Там же. С. 263.

²⁴ О близости христововерческого фольклора к жанру русских исторических песен упоминал А. И. Клибанов. См.: Клибанов А. И. Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 239–250.

²⁵ Исторические песни / Сост. С. Н. Азбелев. М., 2001. С. 75–79, 106, 130, 131, 134, 146, 152, 153, 173, 178, 187, 204, 208 (сер. «Библиотека русского фольклора»).

²⁶ Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедии: В 6 ч. М., 1780. Ч. 1. С. 174–175.

²⁷ Панченко А. А. Духовные песни христовщины // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 513.

²⁸ Цит. по: Панченко А. А. Христовщина и скопчество. С. 442.

Сюжетно эта песня тоже похожа на стих, найденный у Крупенникова, что подтверждается и заглавием, которое дал ей сам Степанов, — «Сия песенка — как сын Божий призывал вол(ь)ных людей на большой корабль».²⁹

Таким образом, анализ духовных стихов из дела об Иване Крупенникове и сборника Василия Степанова позволяет предположить, что хлыстовская поэзия возникла не только благодаря переработке традиционных и старообрядческих духовных стихов и исторических песен, но и в результате переосмысления и адаптации хлыстами светской любовной песенной культуры.

Ниже публикуется текст духовного стиха из «Дела о московском купце Иване Крупенникове...» (РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. Ч. 8. 1748 год. Д. 150). Особенности орфографии подлинника сохранены, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Разбивка на строки соответствует публикации в «Описаниях документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», в примечаниях указываются разночтения по списку 1749 года из фонда Канцелярии Синода.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДУХОВНЫЙ СТИХ, НАЙДЕННЫЙ У ИВАНА КРУПЕННИКОВА

Дай как по морю кораблик¹ поплавливает,
 А по кораблю гостиной сын погуливает.
 Он своими белы ручками помахивает,
 Он и верных на кораблик к себе поманивает,
 И он дороги товары пересматривает,
 Он веть с ручки на ручку переметьвает,
 Он премудрые глаголы свет глагольвает:
 И вы верные, мое избранные, мое души праведные,
 Уш подите, мое други, ко мне все на корабль,
 Покупайте, мое други, дорогой мой товар.
 Уш кому я продам, кому дарам² отдам,
 Не надейтесь вы на то, други, кого жалываю,
 Я того на землю со всем отправлеваю,
 А кого я здесь браню, того дарам дарю,³
 А кого я здесь убью, того во веки люблю,
 А кого я здесь гоню, тому рай отворю.
 И на тот на земле запечалуется,
 И он крепко за канат божий зачалеваается,
 Перед верными людьми унижается,
 Перед праведными душами поклоняется.⁴
 Уже станемте мы, други, в одно место ходить,
 Про одно мы говорить, богу свету норовить.
 Да как всем нам будет равно, нам и место будет всем одно.
 Уж станемте мы, други, руками разводить,
 Дело божие находить.
 И мы станемте, други, руками махать,
 А рубашек бы не марать.
 Уж станемтя мы, други, голоском мы завывать,
 Свои слезы проливать, мы рубашечки замывать.
 К ним не золотая трубушка вострубила,
 Проблагольвал нам батюшка небесной,
 Государь⁵ царь избранной, божий сын.
 Да и вы верные, мое избранные,
 Мое души праведные,

²⁹ Там же. С. 441.

Послужитя, мои други, поработайтя.
 Выгребнем, мои други, на Тихой Дон,
 Погребним, мои други, х круту берешку.
 Ко мне от крою, вы, до краю,⁶
 До блаженного раю,
 От конца, вы, до конца до небесного отца,
 Я сам с вами погребу,
 Я и сам вам помогу.
 Помози, наша надежа, пособи нам, свет,
 Воля божия творит, святая заповедь сохранит.⁷

¹ караблик

² даром

³ Строка отсутствует.

⁴ поклоняется

⁵ а сударь

⁶ от края вы до края

⁷ хранить

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-33-40

© Н. Д. Кочеткова

Н. И. НОВИКОВ — ПЕРЕВОДЧИК

Для большинства исследователей истории русской культуры Н. И. Новиков — это, прежде всего, издатель. Действительно, его деятельность являет особый, чрезвычайно важный этап в развитии всего отечественного книжного дела. Как писатель он тоже хорошо известен благодаря его ярким выступлениям в издававшихся им сатирических журналах. Гораздо меньше привлекает внимание его работа как переводчика.

Переводную литературу Новиков ценил и, начиная издание своего журнала «Трутень» (1769–1770), предлагал присылать не только сочинения, но и переводы. К качеству переводов он относился с неизменной требовательностью. Так, в одной из статей «Трутня» говорилось, что «славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении».¹ В то же время Новиков отмечал и удачу переводчиков. Так, после просмотра комедии П. О. Бомарше «Евгения», поставленной, а затем опубликованной в переводе Н. В. Пушкинова, издатель «Трутня» счел необходимым отметить не только превосходную игру И. А. Дмитриевского, но и мастерство переводчика, который «все красоты, находящиеся в подлиннике, сохранил и на российском языке».²

Позднее, издавая в 1777 году «Санкт-Петербургские ученые ведомости», Новиков неоднократно обращался к характеристике переводных сочинений. В статье с отрицательным отзывом об одном из неудачных переводов говорилось: «...слышали мы, что Аполлон ничем так не раздражается, как ответами некоторых переводчиков: „Этова на русской язык перевести нельзя“; и всегда отвечает таковым: „Ты не знаешь российского языка“; ибо он, как сказывают, уверен в том, что *российский язык* ко всем родам писаний весьма удобен».³

¹ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. статья и комм. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 113.

² Там же. С. 264.

³ Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год. 2-е изд. / А. Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 86–87.

15. Petrova L. I. «Tury» v epicheskoi traditsii Zapadnogo Pomor'ia // Traditsionnaia kul'tura. 2016. № 3.
16. Putilov B. N. K voprosu o sostave razinskogo tsikla (Bylina o Sokole-korable) // Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. M.; L., 1961. T. 6.
17. Raev D. V., Rezun D. Ia., Tumanik E. N. Srednekolym'sk // Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 3.
18. Russkaia epicheskaia poeziia Sibiri i Dal'nego Vostoka / Izd. podg. Iu. I. Smirnov i T. S. Shentalinskaia. Novosibirsk, 1991.
19. Shentalinskaia T. S. Bogoraz Vladimir Germanovich // Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t. SPb., 2016. T. 1.
20. Skrybykina L. N. Byliny russkogo naseleniia severo-vostoka Sibiri. Novosibirsk, 1995.
21. Smirnov Iu. I. Bylina «Sadko»: sostav i nekotorye paralleli // Fol'klor: Traditsiia i eksperiment. M., 2018. T. 11.
22. Srednekolym'sk // Entsiklopediia Iakutii. M., 2000. T. 1.
23. Strogova E. A. Istoki kul'turnoi traditsii russkikh starozhilov Nizhnei Kolymy po dannym kompleksnogo issledovaniia // Arktika i Sever: Elektronnyi zhurnal. 2014. № 16.
24. Strogova E. A. Stadukhinskii ostrog v istoricheskikh istochnikakh // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk, 2011.
25. Vakhtin N., Golovko E., Shvaittser P. Russkie starozhily Sibiri: Sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniia. M., 2004.
26. Vizgalov G. P. Novye arkheologicheskie issledovaniia Stadukhinskogo poseleniia na Nizhnei Kolyme, rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniia // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk, 2011.
27. Zuev A. S. Nizhnekolym'sk // Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 2.
28. Zuev A. S. Verkhnekolym'skii ostrog // Istoricheskaia entsiklopediia Sibiri. Novosibirsk, 2010. T. 1.

Екатерина Алексеевна Майчак

независимый исследователь

Ekaterina Alekseevna Maichak

Independent Researcher

ORCID: 0009-0002-3514-5368

rivkamaichak@gmail.com

**ДУХОВНЫЙ СТИХ, НАЙДЕННЫЙ
У ИВАНА КРУПЕННИКОВА:
К ИЗУЧЕНИЮ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ ХРИСТОВЩИНЫ**

**A SPIRITUAL VERSE OWNED BY IVAN KRUPENNIKOV:
AN ENQUIRY INTO THE RELIGIOUS
POETRY OF THE *KHLYSTY* SECT**

В статье анализируется генезис религиозной поэзии христовщины на примере духовного стиха, обнаруженного следователями у одного из лидеров этого движения 1730–1740-х годов — купца Ивана Крупенникова. Высказывается предположение о связи духовных песнопений хлыстов со светской песенной культурой той эпохи.

Ключевые слова: духовная поэзия христовщины в XVIII веке, песни о гостинном сыне, исторические песни.

The article analyzes the religious poetry of the Khlysty sect, focusing on spiritual verses from the heritage of Ivan Krupennikov, a prominent member of the Moscow congregation in the 1730s —

1740s. It examines the themes and motifs of these verses and their connections to the secular song culture of the period.

Key words: the Khlysty, spiritual verses of the 18th century, secular songs of the 18th century.

Список литературы

1. Берман А. Г. Секта хлыстов в России: ранняя история и религия. Чебоксары, 2020.
2. Исторические песни / Сост. С. Н. Азбелев. М., 2001 (сер. «Библиотека русского фольклора»).
3. Клибанов А. И. Некоторые идеологические формы социального протеста русского крестьянства // Россия на путях централизации. М., 1982.
4. Панченко А. А. Духовные песни христовщины // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002.
5. Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
6. Сергазина К. Т. «Хождение вокруг». Ритуальная практика первых общин христоверов. М., 2015.
7. Сергазина К. Т. Об Анне Степановой, крестьянке Костромской губернии, почитаемой за богородицу // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (3).
8. Смиллянская Е. Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. М., 2016.
9. Эткинд А. М. Хлыст. Секты. Литература. Революция. М., 2013 (Новое литературное обозрение. Научное приложение. Вып. XII).
10. Clay J. E. God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717 // Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1985. Vol. XXVI (I).
11. Clay J. E. Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850 // Poverty and Prosperity in the Middle Ages and Renaissance / Ed. by A. Scott, C. Kosso. Turnhout, 2012 (Arizona Studies in the Middle Ages and the Renaissance).

References

1. Berman A. G. Sekta khlystov v Rossii: ranniaia istoriia i religiia. Cheboksary, 2020.
2. Clay J. E. God's People in the Early Eighteenth Century. The Uglich Affair of 1717 // Cahiers du monde Russe et Soviétique. 1985. Vol. XXVI (I).
3. Clay J. E. Traders, Vagabonds, Incarnate Christs, and Pilgrims: The Religious Network of Danilo Filippov, 1650–1850 // Poverty and Prosperity in the Middle Ages and Renaissance / Ed. by A. Scott, C. Kosso. Turnhout, 2012 (Arizona Studies in the Middle Ages and the Renaissance).
4. Etkind A. M. Khlyst. Sekty. Literatura. Revoliutsiia. M., 2013 (Novoe literaturnoe obozrenie. Nauchnoe prilozhenie. Vyp. XII).
5. Istoricheskie pesni / Sost. S. N. Azbelev. M., 2001 (ser. «Biblioteka russkogo fol'klora»).
6. Klibanov A. I. Nekotorye ideologicheskie formy sotsial'nogo protesta russkogo krest'ianstva // Rossiia na putiakh tsentralizatsii. M., 1982.
7. Panchenko A. A. Dukhovnye pesni khristovshchiny // Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov. M., 2002.
8. Panchenko A. A. Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i traditsionnaia kul'tura russkikh misticheskikh sekt. M., 2002.
9. Sergazina K. T. «Khozhdenie vkrug». Ritual'naia praktika pervykh obshchin khristoverov. M., 2015.
10. Sergazina K. T. Ob Anne Stepanovoi, krest'ianke Kostromskoi gubernii, pochitaemoi za bogoroditsu // Gosudarstvo, religiia, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2020. № 38 (3).
11. Smilianskaia E. B. Volshebnyki, bogokhul'niki, eretiki v setiakh rossiiskogo syska XVIII veka. M., 2016.